

Мохов А. С. Роль С. В. Короленко в эвакуации Полтавского литературно-мемориального музея В. Г. Короленко в Свердловск в 1941 году / А. С. Мохов, К. Р. Капсалькова // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 368—383. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-368-383.

Mokhov, A. S., Kapsalykova, K. R. (2020). Role of S. V. Korolenko in Evacuation of the Poltava Literary and Memorial Museum of V. G. Korolenko to Sverdlovsk in 1941. *Nauchnyi dialog*, 10: 368-383. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-368-383. (In Russ.).

УДК 351.852(477.53)“1941”+94(47).084.8:069

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-368-383

РОЛЬ С. В. КОРОЛЕНКО В ЭВАКУАЦИИ ПОЛТАВСКОГО ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ В. Г. КОРОЛЕНКО В СВЕРДЛОВСК В 1941 ГОДУ¹

© **Мохов Антон Сергеевич (2020)**, orcid.org/0000-0001-9803-6949, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), a.s.mokhov@urfu.ru.

© **Капсалькова Карина Рамазановна (2020)**, orcid.org/0000-0003-4163-5099, кандидат исторических наук, ассистент кафедры Востоковедения, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Екатеринбург, Россия), k.r.kapsalykova@urfu.ru.

Статья посвящена проблеме эвакуации культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны. Актуальность исследования обусловлена тем, что в историографии недостаточное внимание уделяется спасению сокровищ провинциальных музеев в 1941—1942 годах. Поднимается вопрос об отсутствии в начальный период войны единого плана эвакуации музейных коллекций из западных областей СССР. Новизна исследования состоит во введении в научный оборот уникального документа — отчета об эвакуации из Полтавы в Свердловск литературно-мемориального музея В. Г. Короленко. Рассматривается вопрос об истории создания музея и его работе в предвоенный период. Охарактеризован состав архива В. Г. Короленко. Авторы останавливаются на истории создания в 1920—1930-е годы литературно-мемориальных музеев в СССР. Показано, что в данном процессе значительную роль сыграли выпускницы высших женских Бестужевских курсов. Особое внимание уделяется деятельности директора музея, старшей дочери писателя, Софьи Владимировны Короленко. Доказано, что ей принадлежит основная заслуга спасения музейной коллекции из прифронтовой полосы. По мнению авторов, история эвакуации культурных ценностей в годы войны представляет собой малоизученный комплекс вопросов, решение которых зависит от публикации источников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; музейное дело; эвакуация музейных коллекций; Полтавский музей В. Г. Короленко; С. В. Короленко.

1. Введение

В начальный период Великой Отечественной войны в СССР была проведена беспрецедентная по масштабам эвакуация из западных регионов страны населения, промышленных предприятий, учреждений образования и культуры. В отечественной историографии преимущественное внимание уделялось перемещению в глубо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00106 «Сохранение культурного наследия России в условиях военных конфликтов первой половины XX в.».

кий тыл производственных мощностей и материальных ресурсов [Советский тыл, 1974]. Однако уникальный опыт эвакуации культурных ценностей в историографии освещен в недостаточной степени, изучалась в основном история спасения собраний музеев Москвы и Ленинграда [Разгон, 1999, с. 122—133; Кантор, 2017, с. 33—111].

В последнее время активизировались исследования, посвященные эвакуации коллекций провинциальных музейных учреждений из западных областей СССР. Как правило, вопросы вывоза и размещения музейных коллекций анализируются на отдельных примерах, что напрямую связано с состоянием источниковой базы [Мохов, 2020, с. 639—651]. В данной статье на основании неопубликованных архивных документов рассматривается история перемещения в Свердловск музейной коллекции Полтавского государственного литературно-мемориального музея В. Г. Короленко.

2. История создания Полтавского музея В. Г. Короленко

В. Г. Короленко является одним из наиболее прогрессивных российских писателей конца XIX — первой четверти XX века. Роза Люксембург писала о нем: «Дух русской литературы, высокое общественное чувство ответственности проявилось у этого благодатного художника сильнее, чем даже его любовь к природе, к свободной скитальческой жизни, к поэтическому творчеству. Захваченный волной близившейся революционной бури, он с конца 90-х годов все больше отходил от художественного творчества и выступал лишь, сверкая клинком, как борец за свободу, как духовный вождь оппозиционного движения русской интеллигенции» [Люксембург, 1921, с. 203].

В Полтаву Владимир Галактионович Короленко (1853—1921) переехал в 1903 году, где снял дом в усадьбе доктора А. В. Будаговского (по улице Мало-Садовой 1), в котором прошли последние 18 лет его жизни. Все эти годы писатель находился в гуще общественно-политических событий. После смерти В. Г. Короленко появилась идея о создании мемориального музея, тем более что в 1922—1925 годах было принято несколько постановлений об увековечении памяти писателя. В частности, семье Короленко — его вдове Евдокии Семеновне Ивановской (1855—1940) и дочерям Софье и Наталье — было предоставлено право пожизненного пользования домом [Ольховская, 2017, с. 35—36].

Софья Владимировна Короленко (1886—1957) была старшей дочерью В. Г. Короленко и профессиональной революционерки Е. С. Ивановской. В 1904 году она окончила Марииинскую женскую гимназию в Полтаве, а затем стала выполнять обязанности секретаря В. Г. Короленко [Короленко, 1968, с. 3]. В 1915 году Софья поступила на историко-филологическое отделение Бестужевских курсов, причем к поступлению дочь одного из любимых писателей В. И. Ленина, «очень славную девочку», готовила Н. К. Крупская [Крупская, 1957, с. 264]. По завершении обучения С. В. Короленко вернулась в Полтаву. Согласно завещанию В. Г. Короленко, старшей дочери предоставлялось право распоряжаться всем его движимым и недвижимым имуществом [Ольховская, 2017, с. 31—32].

Младшая дочь В. Г. Короленко Наталья Владимировна (1888—1950) была замужем за Константином Ивановичем Ляховичем (1885—1921). В 1909 году они

эмигрировали во Францию, где у них родилась дочь Софья. В Россию чета Ляховичей возвратилась в 1917 году. С этого времени Наталья Владимировна проживала в Москве, занималась литературной работой. Следует отметить, что она была против открытия музея в отцовском доме. Н. В. Короленко-Ляхович считала, что лучшим памятником писателю были его книги [Короленко, 1968, с. 243—244].

Газета «Известия» писала: «В связи с исполняющимся 28 июля 75-летием со дня рождения В. Г. Короленко в Полтаве приводятся в порядок могила писателя и домик, в котором он проживал до смерти... 28 июля в доме, где проживал В. Г. Короленко, открывается выставка его рукописей, печатных произведений, фотографий и т. д.» [Памяти В. Г. Короленко, 1928]. С этой временной экспозиции следует отсчитывать историю музея.

Первоначально музей работал на общественных началах. Официальный статус учреждения культуры, подчиненного Наркомпросу УССР, литературно-мемориальный музей В. Г. Короленко получил 1 января 1940 года. К этому времени дом по улице Мало-Садовой 1 и другие постройки усадьбы доктора А. В. Будаговского перешли в собственность государства. Софья Владимировна стала директором и единственным сотрудником музея [Полтавский, 1955, с. 6].

Пример С. В. Короленко не был единственным. В 1920—1930-е годы в СССР было создано несколько литературно-мемориальных музеев, призванных увековечить память великих русских писателей: М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Н. Г. Чернышевского и др. По инициативе Н. К. Крупской и А. В. Луначарского руководить этими учреждениями культуры назначались слушательницы высших женских Бестужевских курсов [Вахромеева, 2018, с. 7—11].

Этих женщин отличал высокий уровень образованности, трудолюбия, ответственности. Они успешно действовали в мире, который принадлежал мужчинам; благородные и необычные «амазонки» самоотверженно погружались в занятия наукой и литературой. Один из сценариев решения женского вопроса Гражина Борковская определила так: «историческая активность: война, восстание, революция». Проводимая польской исследовательницей параллель «женщина — война» заключается в том, что «феномен войны и женское бытие требуют погружения в кровь и страдание, дающие, в конце концов, позитивный результат — жизнь» [Борковская, 2007, с. 51—53, 176].

С 1928 по 1941 годы дочери В. Г. Короленко провели огромную работу по систематизации архива отца. Об этом свидетельствует «Докладная записка Академии наук о содержании архивных и музейных материалов В. Г. Короленко и их хранении в настоящий момент». Она была составлена С. В. Короленко в августе 1942 года, когда музей уже находился в Свердловске [ЦДООСО, ф. 520, оп. 1, д. 7, л. 119—130].

Архив В. Г. Короленко состоял из 12 отделов документов, охватывающих период с 1879 по 1921 годы.

1. Рукописи беллетристических и публицистических работ писателя. После его смерти была создана единая опись и указатель к ней, которая позволяла ориентироваться как во всем объеме материалов, так и в каждом отдельном произведении.

2. Записные книжки, которые велись с 1879 по 1921 годы. В архиве В. Г. Короленко имелось четыре вида записных книжек: с записями непосредственных впечатлений (наброски с натуры, описание путешествий); ежедневные записные книжки-календари с техническими записями (получение и отправка корреспонденции, начало и окончание различных работ, состояние погоды, важные события общественной и политической жизни); записные книжки с выписками из архивных дел и научной литературы; библиографические записные книжки, в которых писатель комментировал публикации своих произведений.

3. Дневники В. Г. Короленко с 1881 по 1921 годы. В них сохранились многие черты русской общественной жизни, художественные наброски, частные наблюдения.

4. Письма В. Г. Короленко к разным лицам. Первоначально, пока переписка не приобрела колоссальных темпов, копии писем вклеивались в особые тетради. С 1888 года он стал использовать копировальные книги, которых к 1921 году насчитывалось шесть. Всего в архиве было собрано до 4,5 тыс. автографов и более 2 тыс. писем в копиях и печатных публикациях.

5. Письма к В. Г. Короленко — самый массовый отдел архива (6 тыс. писем с 1879 по 1921 годы). Он состоял из редакторских писем, корреспонденции по общественным вопросам, обращений разных людей с личными просьбами, юбилейных поздравлений, переписки с издательствами, родными и друзьями.

6. Семь редакторских книг (1887—1921 годы) содержали описание 4,5 тыс. рукописей. К шести из них сделан алфавитный указатель со сведениями о каждом авторе, датами поступления рукописей, заключениями о принятии к публикации или отказе.

7. Рукописи других авторов, присланные на редактуру, В. Г. Короленко сохранил, поскольку «непосредственная боль остается в портфелях редакций, настоящая история времени именно здесь» [ЦДОСО, ф. 520, оп. 1, д. 7, л. 125].

8. Папки с материалами, письмами, книгами, брошюрами, фотографиями, подобранные В. Г. Короленко для общественной работы: «Горбатовское дело», «Мултанское дело», «Академический инцидент 1902 г.» *etc.*

9. Газетные выписки по ряду тем (1885—1914 годы). Они были собраны в специальном шкафу с выдвижными ящичками по тематическому принципу.

10. Книги. В. Г. Короленко не был библиофилом, но его домашняя библиотека насчитывала около 4,5 тыс. книг и журналов («Отечественные записки», «Современник», «Русское богатство» *etc.*; книги с инскриптами, *e. g.*, А. С. Серафимовича, А. М. Горького, К. А. Тимирязева).

11. Документы. В этом отделе хранились семейные и личные бумаги В. Г. Короленко; документы, связанные с литературной деятельностью; повестки с вызовами в суд; официальные извещения о присуждении премий, избрании в разные общества. В данном отделе собраны бумаги, которые относились к арестам, ссылкам, гласному и негласному надзору, включая переданное ему в советское время дореволюционное «дело по наблюдению за писателем В. Г. Короленко» с 1885 по 1910 годы.

12. Фотографии. В этом отделе хранились фотографии самого писателя, его родных и друзей, снимки крупных литераторов и начинающих авторов.

3. Эвакуация музея в Свердловск в 1941 году

В 1938—1939 годах рукописи, записные книжки, письма В. Г. Короленко, редакторские книги, рукописи других авторов, материалы общественной работы, часть документов и фотографий были переданы в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина. Оставшиеся материалы из колоссального архива писателя (дневники, письма к В. Г. Короленко, газетные вырезки, наиболее ценные книги, часть документов и фотографий) Софья Владимировна не успела отправить в Москву до начала Великой Отечественной войны. В «Докладной записке Академии наук УССР» она сообщала: «Упомянутые выше материалы были мною тщательно упакованы и отосланы с вагоном Полтавского банка, перевозившим ценности в Уфу <...> и в настоящее время они в неприкосновенности хранятся при Украинской Академии Наук в Уфе» [ЦДООСО, ф. 520, оп. 1, д. 7, л. 129].

Таким образом, в Полтаве оставались: библиотека В. Г. Короленко, основная экспозиция, текущая музейная документация (переписка, книги отзывов *etc.*), а также часть материалов для публикации произведений писателя.

В Центре документации общественных организаций Свердловской области, в фонде Уральского филиала комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР [Мохов, 2020, с. 639—651], хранится отчет С. В. Короленко «Эвакуация музея В. Г. Короленко из Полтавы в Свердловск в 1941 году» [ЦДООСО, ф. 520, оп. 1, д. 7, л. 131—137]. Это оригинальный машинописный текст, напечатанный на двух сторонах стандартных листов. В правом верхнем углу первого и девятого листов документа — угловой штамп с надписью: «Академия наук СССР. Уральский филиал комиссии по истории Великой Отечественной войны, 7/ VII-1943 г.». На последнем листе подпись С. В. Короленко и проставленная ее рукой дата — 12 октября 1942 г. Ниже мы полностью публикуем этот уникальный документ (сохранена орфография и пунктуация источника. — *А. М., К. К.*).

ЭВАКУАЦИЯ МУЗЕЯ В. Г. КОРОЛЕНКО ИЗ ПОЛТАВЫ В СВЕРДЛОВСК В 1941 ГОДУ.

I. В ПОЛТАВЕ ПЕРЕД ЭВАКУАЦИЕЙ

В нашей тихой Полтаве начало военных действий 22 июня 1941 года явилось неожиданным ошеломляющим ударом. Жизнь как будто продолжала идти своим чередом, отвечая на новые запросы, в новых формах, теперь, когда я вспоминаю все пережитое, мне представляется, что жизнь двигалась по инерции и без настоящего содержания — как будто страшный удар, упавший на страну, сковал вначале ее живые силы.

Продвижение немецких войск было стремительным и, казалось, перед ними не было преграды. Радио давало краткие информации о падении городов, об остав-

лении нашими войсками целых областей, а в промежутках между этими ошеломляющими сообщениями из громкоговорителя раздавались веселые песни и марши — они звучали нарочито и неестественно. Музыка прерывалась по несколько раз в день воздушными тревогами и новыми сообщениями с фронта о дальнейших продвижениях вражеских армий.

В садах и на улицах Полтавы рыли окопы, укрепляли и приспособляли погреба и подвалы для бомбоубежищ. Город, с первого дня войны, по вечерам погружался в полную темноту.

У меня была большая тревога за дом, в котором наша семья жила с 1903 года, и который был наполнен материалами и вещами, связанными с жизнью и творчеством моего отца В. Г. Короленко. Здесь прошли последние восемнадцать лет его жизни и собрались наиболее важные и существенные для его творчества материалы.

Полтавский горсовет разрешил, для укрепления подвала нашего дома, использовать кирпич и цемент, которые были приготовлены для пьедестала памятника В. Г. Короленко. Памятник полагали поставить в городском саду, вблизи нашего дома, над могилой отца, к двадцатилетию со дня его смерти — 25 декабря 1941 года. Я распорядилась, посоветовавшись с инженером, сделать второй выход из погреба и укрепить его с тем, чтобы, в случае сильных бомбардировок, спустить туда наиболее ценные книги и литературные материалы. Погреб был глубоким, и я надеялась, что, в крайнем случае, они будут засыпаны там, но не уничтожены.

Фронт приближался неудержимо, создавалась угроза Киеву, и порой казалось — оставление его нашими войсками — дело нескольких недель. При жизни моей матери (она пережила отца на девятнадцать лет), мы, думая о возможной будущей войне, всегда представляли себе, что в этом случае уедем с Украины на север, взяв с собою все ценное для памяти отца. Тогда мы думали, что можно будет все спокойно уложить, получить для перевозки вагон и своевременно уехать в заранее намеченный город. Теперь, когда опасность надвинулась так внезапно, сначала у меня не было представления о возможности отъезда и о форме эвакуации музея.

Музей В. Г. Короленко существовал с 1928 года в доме, где он жил, работал и умер. Небольшой особняк, затерявшийся на зеленой улице, близ городского сада, привлекал многих посетителей и после смерти отца, как и при его жизни. Сначала, к 75-летию В. Г. Короленко, здесь была организована выставка Краеведческим полтавским музеем, совместно с нашей семьей. Эта выставка, дополненная и более тщательно оформленная, стала затем настоящим музеем.

Первые годы после смерти отца, наша семья отдавала все свои силы работе над его литературным наследством и публикацией этого наследства. Но и в эти годы мы всегда охотно открывали дом для посетителей, обслуживая музей, в течение ряда лет, в порядке общественной работы.

Полное посмертное собрание сочинений отца было подготовлено, сдано Укрсозиздату и частично опубликовано. Рукописи и другие автографы отца, подготовленные и описанные нами, были переданы после всестороннего и долгого обдумывания Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве в 1938—1939 годах. К тому времени, как эти основные задачи нами были выполнены, с 1-го января

1940 года музей В. Г. Короленко получил годовой бюджет, был организован, как нормально действующее учреждение, и я стала его директором.

После возникновения войны музей В. Г. Короленко продолжал работать и относительно дальнейшей своей судьбы ждал распоряжений от Наркомпроса. Как и все директора музеев, я получила предписание не сворачивать экспозицию, не закрывать ее для посетителей, но продолжать работу. Через Полтаву двинулась волна беженцев, мобилизованных, красноармейцев. И с юга, и с запада, и с севера население эвакуировалось из занимавшихся вражескими армиями мест.

Тревога нарастала, но становилось все яснее, что сопротивление усиливается и значит, впереди еще есть возможность аккуратно уложить все, собраться и, когда это понадобится, уехать.

Посетители, приходившие в эти трудные и страшные дни, заходили в дом писателя В. Г. Короленко, как когда-то пришли бы к нему живому, ища поддержки и помощи. Я старалась, чтобы в доме был порядок и покой. У меня сохранилась книга, с отметками впечатлений посетителей в течение первых двух с лишним месяцев войны. Здесь записали свои впечатления группы учащихся, учителей, артистов, красноармейцев, работников эвакуировавшихся через Полтаву учреждений, одиночек посетителей и пр.

Вот несколько из этих записей.

15 июля 1941 года отмечено: «3 недели войны с немцами...»

«...В моем восприятии всегда стоят вместе три имени — Короленко, Чехов и Коцюбинский... Из них Владимир Галактионович особенно привлекал своей целеустремленностью, любовью к жизни, человечностью в лучшем значении этого слова, гармоническим развитием своих недюжинных душевных сил. Все это не забывается в эти грозные дни кровавой бойни, в которую втянута наша прекрасная родина, благоговейно любимая и Владимиром Галактионовичем и каждым честным человеком...»

Враги не уничтожат многовековой культуры русского народа, представителем которого был и писатель-труженик Владимир Галактионович Короленко...»

Пространная запись заканчивается так: «Написано весьма бестолково, но зато от души. А бестолково от смертельной усталости, солнца и пыли...»

«Бурные дни привели нас из Киева в Полтаву...» — пишет группа мобилизованных киевлян.

«Идя пешком из Киева с котомкой за плечами, я вспомнил Владимира Галактионовича. Счастлив, что имел возможность посетить этот дом. 16/VII—1941 г.» — пишет старший научный сотрудник Академии Наук УССР, также в качестве мобилизованного, проходивший через Полтаву.

Группа проезжавших через Полтаву в Куйбышев научных сотрудников Туберкулезного Института, — пишет: «Светлый и благородный образ В. Г. Короленко, который перед нами встает во всем своем величии при осмотре музея, зовет нас на подвиги в защиту своей родины, на борьбу со всякой несправедливостью. 17/VII—1941 г.»

«24/VII—1941 г. Музей В. Г. Короленко посетила группа житомирских земляков писателя».

«Жизнь В. Г. Короленко — это частица истории русского общества и истории русской литературы», отмечено в тот же день.

«В наши тяжелые дни, когда опасность нависла над родиной, когда враг ведет бешеную травлю иных народов, когда культурные достижения человечества находятся в опасности — посещение дома-музея В. Г. Короленко знакомит так особенно близко с великим писателем и светлым человеком... и вселяет особую бодрость и уверенность в скором изгнании и уничтожении всех кошмаров, которые несет человечеству гитлеризм. 26/VII—1941 г.»

Подпись и приписка: «Проездом через Полтаву вследствие мобилизации».

8 августа отмечено: «Группа студентов и преподавателей, посетив музей Короленко, сердечно благодарит за сохранность всего того, что касается жизни и творчества великого русского гуманиста».

Своеобразна и искренна детская запись: «Мы пионеры и октябрята пришли посмотреть в музей Владимира Галактионовича Короленко. Нас пришло 17 человек в музей и всем нам понравился этот музей. Всего лучше нам понравилось, как он много работал и не отказывался от какой-нибудь работы». За всех подписала Лена Орловская.

Тут же ребята постарались доказать, что написанное Леной, — не пустые слова. Осмотр дома детьми был нарушен воздушной тревогой, и когда она миновала, то дети (это тоже была группа эвакуировавшегося из-под Киева детского дома) охотно помогали перенести для охраны от возможных будущих бомбардировок, некоторые вещи в глубокий погреб под домом.

Бомбардировки все учащались и усиливались, редкий день проходил без двух, трех тревог. Были и разрушенные здания, и убитые.

Последняя отметка в музейной книге впечатлений помечена 25 августа 1941 года: «Все выдающиеся люди, особенно русские, много работали и вот так скромно жили...»

К этому времени был занят Кременчуг. Днепр уже не являлся естественной преградой, а от Кременчуга до Полтавы немногим больше ста километров. Предписания от Наркомпроса увозить музейные ценности еще не было, но становилось все более ясным, что если надо уезжать, то медлить нельзя. Получить отдельный вагон, о чем я хлопотала, не представлялось возможным, приходилось оставить все трудно перевозимое, взять только самые ценные литературные материалы.

Стояли чудесные солнечные, ясные дни ранней полтавской осени. В нашем саду сливовые деревья казались лиловыми от огромного урожая фруктов, ярко краснели от множества ягод кусты кизила. Площадка в городском саду около общей могилы моих родителей была залита ярко-красными пышно разросшимися геранями.

Город уже значительно опустел, уехал и детский дом, остановливавшийся еще недавно в ближней школе и оживлявший эту тихую, заросшую цветами площадку с могилами.

Здесь, думая обо всем совершающемся, я почувствовала необходимость торопиться уехать, чтобы сберечь по возможности все литературное наследство отца, собрать вместе разбросанные сейчас материалы и после войны дать полный образ В. Г. Короленко, сохранив его для будущего и русской литературы.

Придя на могилы, я попрощалась с ними, стараясь в воспоминаниях о моих отошедших найти силы для предстоявшего трудного путешествия и дальнейшей жизни и работы.

II. ЭВАКУАЦИЯ. ПОЛТАВА — СВЕРДЛОВСК.

В середине августа 1941 года железные дороги в направлении на Харьков подвергались уже сильной бомбардировке, часто приходили сообщения о несчастиях с увезавшими, о гибели целых эшелонов.

«Куда вы поедете, вас убьют в дороге», — отговаривали нас от поездки знакомые, решавшиеся по той или другой причине оставаться в Полтаве: у некоторых не было средств на отъезд, другие были связаны со стариками или больными, третьи не хотели оставить места, в которых прошла вся жизнь.

Мы жили в Полтаве с 1903 года и, хотя часто подолгу приходилось жить и работать, — последнее время в Москве, создалась большая привычка к Полтаве и многочисленные связи. Вскоре после начала войны я заболела, доктор, лечивший меня, говорил, что поездки мне не перенести.

«Не довезете ребенка», говорила, плача, наша давняя работница, ставшая почти членом нашей семьи. Она горячо любила мою маленькую внучку, но не решалась ехать с нами, так как тем самым приходилось оставлять свою семью.

25 августа был последний день посещения музея, на 31 августа назначалась погрузка. Ценности литературного музея В. Г. Короленко и кое-что из художественных ценностей Краеведческого музея должен был захватить вагон Госбанка и Сберкасы, направлявшийся в Свердловск. Отправка задерживалась и, хотя каждый день увеличивал опасность путешествия, эта задержка явилась для нас счастливой случайностью: 2 сентября неожиданно из Москвы приехала моя сестра Наталья Владимировна Короленко-Ляхович. Не зная, можем ли мы выехать из Полтавы, она решила приехать к нам, чтобы разделить нашу участь. В тот же день я внесла ее в свое эвакуационное свидетельство. 3 сентября мы погрузились и сели в вагон.

Те, кто предсказывали нам опасности и трудности пути, конечно, не ошиблись. Ехать пришлось в небольшой теплушке, почти сплошь заложенной ящиками и мешками с грузом Полтавского Госбанка и Сберкасы. Грузились в проливной дождь, погрузка на время была прервана энергичной бомбардировкой, поэтому вещи сложили спешно и беспорядочно, почти доверху теплушки. Туда же поместились еще 32 человека семейств служащих эвакуированных учреждений. Здесь были дети разных возрастов, двое грудных, были старики. Сутки мы простояли на путях в Полтаве и 4 днем тронулись на Харьков.

В Харькове, на товарной станции «Основа», мы подверглись второй сильной бомбардировке.

Но особенно жестокой была бомбардировка в Купянске. Наша теплушка шла с товарными поездами и останавливалась среди товарных поездов. В Купянске наш состав стоял рядом с поездом, перевозившим горючее. Когда послышался

сначала полет вражеских самолетов, а затем, все приближавшиеся, разрывы бомб, мы с тревогой посматривали на протянувшийся около нас состав с цистернами. Смотревшие в щели нашей теплушки передавали, что из других теплушек люди побежали в лес; некоторые у нас хотели сделать то же. Но послышалась близкая пулеметная стрельба с немецких аэропланов по бегущим. Бомбардировка все усиливалась. Начинало вечереть. Вдруг мы увидали, что поезд с цистернами начал тихонько двигаться и совсем ушел из нашего соседства. А потом и наш состав двинулся так же тихо, как будто боясь привлечь вражеское внимание, отошел от станции и остановился под лесом. Разрывы бомб становились все сильнее, испугались и начали плакать дети. Я старалась успокоить свою маленькую девочку, которая тоже плакала, сидя у меня на коленях. Молча, в темноте теплушки, я нашла руку сестры и почувствовала ее крепкое ответное пожатие. Никто в вагоне не говорил, только шепотом взрослые старались остановить плач детей, как будто боясь, чтобы их не услышали. Вдруг земля задрожала и наша теплушка пошатнулась. Упал где-то близко снаряд огромной силы. Потом говорили, что было разбито несколько вагонов пассажирского поезда и было много жертв.

Скоро после этого мы услышали гул наших самолетов, бомбардировка прекратилась и мы двинулись от опасной станции.

Сначала потихоньку, а потом все скорее и скорее. Теперь нам казалось, что из одной опасности мы попали в другую. Поезд летел, убегая от врагов. Плохо сложенные вещи, во время быстрой езды начали двигаться, грозя обрушиться и задавить приютившихся между ними людей. Теплушку швыряло из стороны в сторону, доски скрипели, что-то стучало и стонало, казалось, ящики вот-вот разобьют стены и теплушка развалится на части, а мы погибнем под ее обломками.

Но теплушка не развалилась, — дети заснули на руках у старших, и часа через три такого напряженного бегства, мы остановились на другой, уже спокойной станции.

Много дней мы ехали, меняя маршруты в зависимости, вероятно от состояния путей. Проезжали по вечерам затемненные города, останавливались на темных вокзалах. На остановках к нашей теплушке подходили, проверяли, подливали масло, стучали по колесам, отцепляли и опять куда-то прицепляли, и мы двигались дальше.

Когда остановки были длительными, нам удавалось вылезть из вагона. Мы разговаривали с ехавшими на фронт красноармейцами, с рабочими, и они нам сообщали последние известия, которые все время были мрачными. Мы узнали от рабочих, что иногда они дежурили по две или три смены. Порой, выполняя свою работу, они пошатывались от усталости. И все-таки наш вагон двигался по своему пути, направляемый может быть и усталой, но верной рукой.

12 сентября, изменив маршрут, вероятно, после Купянска, т. к. раньше мы должны были ехать на Куйбышев, мы остановились около Москвы.

Это опять была одна из тех счастливых случайностей, которые, казалось, заботились о нашей судьбе.

К этому времени моя маленькая внучка тяжело заболела. Когда выезжали с Украины, погода стояла жаркая. Взять с собой, благодаря спешности сборов, ничего долго

сохраняющегося — не удалось. Девочка сначала голодала, а потом ей пришлось давать неподходящую пищу. К тому времени, когда наша теплушка остановилась под Москвой, ребенок очень ослабел, она бы не вынесла долгого пути. На одной из пригородных станций сестра с ребенком сошли с поезда, ей удалось добраться до своей квартиры — и здесь, в Москве, ребенок недели через две вполне поправился.

Я и остальные мои близкие продолжали дальнейшее путешествие. Оно тянулось еще 10 суток — и в холодный день поздней осени, при первом снеге, мы приехали в Свердловск.

После восемнадцати дней пути, когда я отправилась со станции в Свердловск, просить приюта для нашей семьи и места, куда сгрузить материалы музея, мною овладело настроение какой-то спокойной уверенности. Вот мы ехали 18 суток. У нашей одинокой теплушки не было проводника, — сопровождавшая грузы банка и сберкассы служащая, лежала больная. Только уже дня за три до Свердловска мы с радостью увидели первые огоньки, остальное время по ночам мы проезжали мимо темных станций, поезд останавливался на не освещенных путях. И наша маленькая теплушка не заблудилась, не была загнана в тупик, не развалилась, не попала в крушение.

У меня создалась уверенность, что опыт проделанного нами пути говорил о рабочей выдержке и стойкости, о дисциплине и согласованности в работе, несмотря на видимость хаотичности и иногда даже беспорядка. А это вселяло надежду, что дурные вести, шедшие с фронта, сменяются другими, что мы доживем еще до победы.

В Свердловске, в Сталинском райсовете, я нашла отзывчивость и сочувствие к нам, к нашей усталости. В первую же ночь мы ночевали под крышей, в теплой комнате, и могли, после 18 дней пути, первый раз лечь и спокойно заснуть. А на другой день в домоуправлении нам выдали карточки, и я почувствовала себя здесь, в чужом городе, больше на родине, чем чувствовала все последнее время на Украине.

Труднее было разместить материалы музея. Пришлось попутешествовать по городу, пока им уделила место Библиотека Белинского, казавшаяся мне и сначала самым близким музеем В. Г. Короленко учреждением. Свердловское ОблОНО приняло музей в свое ведение и, с согласия Наркомпроса, путем выставок и докладов, некоторые материалы были открыты для обозрения. Я продолжаю работать как директор музея.

Оглядываясь назад, на прожитый год, я думаю, что созревшее у меня к концу нашего пути сознание внутренней силы нашего народа и неизбежности роста нашего сопротивления, подтвердилось.

Оставшаяся в Москве, моя сестра провела там всю зиму. Москва была в смертельной опасности, — в октябре, ноябре и декабре немцы были совсем близко. Выехать из Москвы в условиях того времени с маленьким ребенком было трудно, но я получала от сестры спокойные, ободряющие письма. В этих письмах не было ни страха, ни тревоги, но неизменная уверенность, что увидимся. Это было не единичное явление, а настроение, широко разлитое в Москве.

И действительно, весной, уже в хороших условиях передвижения, моя сестра с внучкой приехала в Свердловск, привезя с собой хранившиеся еще в Москве литературные материалы отца и материалы для печатания его «Сибирских рассказов».

Война, которая должна была быть по планам немцев — молниеносной, тянется уже больше года, она несет для нас и сейчас и в дальнейшем огромные трудности, но огромны и мужество и силы нашего народа, сказывавшиеся всегда в труднейшие моменты нашей истории.

С. В. Короленко

12 окт. 1942 г. Свердловск

4. Заключение

С 1928 по 1940 годы музей прошел путь от временной юбилейной выставки до постоянной экспозиции. Все эти годы хранительницей наследия В. Г. Короленко была его старшая дочь Софья Владимировна. Именно ее усилиями в 1930-е годы был систематизирован архив писателя. Наиболее ценная часть архива была передана в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина.

В дальнейшие планы по развитию литературно-мемориального музея В. Г. Короленко вмешалась война. Софье Владимировне удалось эвакуировать оставшуюся часть архива писателя в Уфу, передав его Академии наук УССР. Однако в Полтаве еще оставалась основная музейная экспозиция, которую необходимо было спасти от уничтожения нацистами. Примечательно, что Наркомпрос Украины, несмотря на быстрое продвижение немецких войск, не давал указаний на проведение эвакуации [ЦДООСО, ф. 520, оп. 1, д. 7, л. 131об., 133об.]. В этих условиях директору музея пришлось принимать решение самостоятельно.

В августе 1941 года на южном фланге советско-германского фронта сложилась катастрофическая ситуация. Войска Красной Армии стремились остановить продвижение врага на рубеже Днепра, одновременно с этим продолжая оборонять Киев. В конце августа противнику удалось переправиться через Днепр у Кременчуга, но захват этого города не являлся первостепенной задачей немецких войск. Они постепенно расширяли плацдарм, планируя нанести удар на север с целью окружения Юго-Западного фронта [Исаев, 2005, с. 514—516].

Следовательно, в августе и начале сентября 1941 года непосредственной угрозы захвата Полтавы немецкими войсками не было. Однако этот город — крупный экономический центр и транспортный узел — подвергался постоянным ударам авиации противника, о чем С. В. Короленко неоднократно упоминает в отчете. Помимо этого, в Полтаве располагалось командование войсками Юго-Западного направления во главе с маршалом С. М. Буденным.

Софья Владимировна не была военным человеком, ее представления о ходе боевых действий основывались на официальных сводках, рассказах беженцев и мобилизованных. Отметим также, что тревожную информацию она получала от посетителей музея. С. В. Короленко решила, что положение на фронте становилось все более угрожающим, и 25 августа 1941 года стал последним днем работы музея [ЦДООСО, ф. 520, оп. 1, д. 7, л. 133об.]. В максимально сжатые сроки ей удалось подготовить экспозицию к эвакуации. Распространившиеся в Полтаве слухи о захвате немцами Кременчуга, самого крупного железнодорожного узла на пути к Полтаве и Харькову, привели к росту панических настроений и быстрому оттоку

гражданского населения на восток. Однако Кременчуг был оккупирован войсками противника не 25 августа, а 8 сентября 1941 года.

Благодаря усилиям С. В. Короленко музейная коллекция была вывезена из Полтавы 4 сентября. Судя по эвакуационному свидетельству, полученному директором музея, груз сопровождали 11 человек. Из них членов семьи Короленко было трое: дочери писателя Софья Владимировна и Наталья Владимировна, а также правнучка В. Г. Короленко Наталия Сергеевна Ляхович (1939—2018). Остальные 8 человек — друзья и знакомые семьи Короленко, евреи по национальности, которым грозила неминуемая гибель [Гейштор, 2001, с. 18]. После изматывающих 18 дней пути 23 сентября 1941 года они прибыли в Свердловск.

Судьба дома-музея В. Г. Короленко в Полтаве оказалась трагичной. После окружения противником основных сил Юго-Западного фронта советское командование предпринимало попытки восстановить оборону на харьковском направлении. Район Полтавы пыталась удержать ослабленная боями 38-я армия. Однако превосходящие силы 17 немецкой армии вынудили советские войска отойти за р. Ворскла. 19 сентября 1941 года противник занял большую часть города. На следующий день Красная Армия оставила Полтаву, отступив на восток вдоль железной дороги на Харьков [Исаев, 2005, с. 594—595].

Ранней осенью 1941 года Полтава уже не имела стратегического значения. Однако контроль над городом был для противоборствующих сторон важен с идеологической и пропагандистской точек зрения. В нацистской Германии «трагическая история» шведского короля Карла XII являлась частью мифа о многовековой борьбе «арийской расы» со славянами [Zander, 2017, s. 15].

В Советском Союзе образ Петра I, победителя Карла XII, широко транслировался в пропагандистских целях на протяжении всей Великой Отечественной войны. Однако упоминания о ключевом сражении Северной войны, битве под Полтавой 1709 года, стали использоваться только после освобождения города 23 сентября 1943 года. Академик Е. В. Тарле, цитируя Петра I, писал: «Карл мечтает быть Александром Македонским. Но он не найдет во мне Дария. Петр уместно помянул трусливого царя Дария, побежденного Александром Македонским. В России “дариев” не было и нет...» [Тарле, 1943]. Ученый подчеркивал, что Полтавская битва «решила судьбу России <...> Конечно, нельзя сравнивать Карла XII с презренным негодяем Гитлером <...> Сегодня Красная Армия вернула советскому народу Полтаву. Завтра она вернет всю, пока еще оставшуюся в руках разбойничьей орды, территорию нашей Родины — до последней пяди» [Там же].

После захвата немцами Полтавы в доме великого гуманиста располагалась оккупационная администрация. В ходе ожесточенных боев 1943 года город был сильно разрушен. Фронтовой корреспондент сообщал: «Здание музея еще в огне. Все, что фашистские изверги не сумели вывезти в Германию, они сожгли. Из дома вынесли полубогоревшие трупы полтавчан. Кто они — узнать трудно» [Хлыстов, 1943].

Подводя итоги, необходимо вновь подчеркнуть роль Софьи Владимировны Короленко в спасении литературного наследия В. Г. Короленко. Приведенный выше отчет, адресованный Уральскому филиалу комиссии по истории Великой От-

ественной войны Академии наук СССР, является уникальным документом. Это подробный, достоверный, эмоциональный рассказ об эвакуации культурных ценностей из прифронтовой полосы в глубокий тыл. В Свердловске С. В. Короленко сумела развернуть временную экспозицию музея, велась активная работа в вузах, школах, детских домах и госпиталях. Одновременно к печати готовились произведения В. Г. Короленко («Сибирские рассказы»), которые вышли в свет после окончания Великой Отечественной войны.

Источники и принятые сокращения

1. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 520 (Уральская комиссия по истории Великой Отечественной войны). Оп. 1. Д. 7. Л. 119—130, 131—137.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борковская Г.* Чужеземки / Г. Борковская ; пер. с польск. И. Адельгейм, Н. Романовского. — Москва : Идея-Пресс, 2007. — 220 с.

2. *Вахромеева О. Б.* Вклад бывших бестужевков в создание мемориальных музеев отечественных писателей в XX веке (к 140-летию женского университета) / О. Б. Вахромеева // Вопросы музеологии. — 2018. — Т. 9, Вып. 1. — С. 4—14.

3. *Гейштор Л. К.* Вблизи Короленко / Л. К. Гейштор. — Полтава : Техсервис, 2001. — 264 с.

4. *Исаев А. В.* От Дубно до Ростова / А. В. Исаев. — Москва : АСТ, 2005. — 752 с.

5. *Кантор Ю. З.* Невидимый фронт. Музеи России в 1941—1945 гг. / Ю. З. Кантор. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 334 с.

6. *Короленко С. В.* Книга об отце / С. В. Короленко ; предисл. А. В. Западова. — Ижевск : Удмуртия, 1968. — 382 с.

7. *Крупская Н. К.* Письмо детям Полтавской трудовой колонии имени В. Г. Короленко / Н. К. Крупская // Избранные педагогические произведения. — Москва : Учпедгиз, 1957. — 715 с.

8. *Люксембург Р. В.* Короленко (По поводу «Истории моего современника») / Р. Люксембург ; пер. З. А. Венгеровой // Красная новь : литературно-художественный и научно-публицистический журнал. — 1921. — № 2. — С. 183—203.

9. *Мохов А. С.* «Прибыли в полной сохранности» : эвакуация коллекций Херсонесского музея в Свердловск / А. С. Мохов, А. В. Шаманаев, К. Р. Капсалыкова // Quaestio Rossica. — 2020. — Т. 8, № 2. — С. 639—651. — DOI: 10.15826/qr.2020.2.485.

10. *Ольховская Л. В.* Наследницы В. Г. Короленко / Л. В. Ольховская, В. В. Ольховский // Десять Короленковские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 19 окт. 2016 г. — Глазов : Глазов. гос. пед. ин-т, 2017. — С. 31—38.

11. *Памяти В. Г. Короленко* // Известия : газета. — 1928 г. — 20 июля, № 167 (3401).

12. *Полтавский литературно-мемориальный музей В. Г. Короленко* : путеводитель / вступ. ст. С. В. Короленко; сост. Л. К. Гейштор. — Харьков : Изд-во Книжной палаты УССР, 1955. — 91 с.

13. *Разгон А. М.* Эвакуация музеев и музейных коллекций в период Великой Отечественной войны / А. М. Разгон // Слово о соратнике и друге (К 80-летию А. М. Разгона) : научные чтения / отв. ред. Т. Г. Игумнова. — Москва : Гос. Исторический музей, 1999. — С. 122—133.

14. *Советский тыл в Великой Отечественной войне* : в 2 кн. Кн. 1 : Общие проблемы / под ред. П. Н. Поспелова. — Москва : Мысль, 1974. — 300 с.

15. *Тарле Е. В.* Полтава / Е. В. Тарле // Красная Звезда : газета. — 1943. — 24 сентября, № 226 (5597).
16. *Хлыстов Ф. Ф.* Первый день / Ф. Ф. Хлыстов // Суворовский натиск : газета. — 1943. — 23 сентября.
17. *Zander U.* Karl XII har dyrkats av skolpojkar och nazister / U. Zander // Svenska dagbladet : newspaper. — 18.07.2017. — S. 15.

ROLE OF S. V. KOROLENKO IN EVACUATION OF THE POLTAVA LITERARY AND MEMORIAL MUSEUM OF V. G. KOROLENKO TO SVERDLOVSK IN 1941¹

© **Anton S. Mokhov (2020)**, orcid.org/0000-0001-9803-6949, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), a.s.mokhov@urfu.ru.

© **Karina R. Kapsalykova (2020)**, orcid.org/0000-0003-4163-5099, PhD in History, Assistant, Department of Oriental Studies, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (Yekaterinburg, Russia), k.r.kapsalykova@urfu.ru.

The article is devoted to the problem of the evacuation of cultural values during the Great Patriotic War. The relevance of the research is due to the fact that in historiography insufficient attention is paid to the salvation of the treasures of provincial museums in 1941—1942. The question is raised about the lack of a unified plan for the evacuation of museum collections from the western regions of the USSR in the initial period of the war. The novelty of the research is in the introduction into scientific circulation of a unique document — a report on the evacuation of the literary and memorial museum of V. G. Korolenko from Poltava to Sverdlovsk. The question of the history of the creation of the museum and its work in the pre-war period is considered. The authors dwell on the history of the creation of literary and memorial museums in the USSR in the 1920s-1930s. The composition of the archive of V.G.Korolenko is characterized. It is shown that the graduates of the higher female Bestuzhev courses played a significant role in this process. Particular attention is paid to the activities of the museum director, the writer's eldest daughter, Sofya Vladimirovna Korolenko. It has been proven that she is credited with saving the museum collection from the front line. According to the authors, the history of the evacuation of cultural property during the war is a poorly studied issue, the solution of which depends on the publication of sources.

Key words: the Great Patriotic War; museology; evacuation of museum collections; Poltava Museum of V. G. Korolenko; S. V. Korolenko.

MATERIAL RESOURCES

TsDOOSO — *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti. (Uralskaya komissiya po istorii Velikoy Otechestvennoy voyny)* [Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (Ural Commission on the History of the Great Patriotic War)]. (In Russ.).

REFERENCES

Borkovskaya, G. (2007). *Chuzhezemki* [Outlander]. Moskva: Ideya-Press. 220 p. (In Russ.).

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-09-00106 “Preservation of the cultural heritage of Russia in the conditions of military conflicts in the first half of the 20th century”.

- Geyshtor, L. K. (eds.). (1955). *Poltavskiy literaturno-memorialnyy muzey V. G. Korolenko: putevoditel* [Poltava literary and memorial museum of V. G. Korolenko: a guide]. Kharkov: Izd-vo Knizhnoy palaty USSR. 91 p. (In Russ.).
- Geyshtor, L. K. (2001). *Vblizi Korolenko* [Near Korolenko]. Poltava: Tekhservis. 264 p. (In Russ.).
- Isaev, A. V. (2005). *Ot Dubno do Rostova* [From Dubno to Rostov]. Moskva: AST. 752 p. (In Russ.).
- Kantor, Yu. Z. (2017). *Nevidimyy front. Muzei Rossii v 1941—1945 gg.* [Invisible Front: Russian Museums 1941—1945]. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya. 334 p. (In Russ.).
- Khlystov, F. F. (1943). Pervyy den'. [First day]. *Suvorovskiy natisk* [Suvorov onslaught], 23 sentyabrya. (In Russ.).
- Korolenko, S. V. (1968). *Kniga ob ottse* [The book about the father]. Izhevsk: Udmurtiya. 382 p. (In Russ.).
- Krupskaya, N. K. (1957). Pis'mo detyam Poltavskoy trudovoy kolonii imeni V. G. Korolenko [Letter to the children of the V. G. Korolenko Poltava Labor Colony]. In: *Izbrannye pedagogicheskie proizvedeniya* [Selected pedagogical writings]. Moskva: Uchpedgiz. 715 p. (In Russ.).
- Lyuksemburg, R. (1921). V. Korolenko (Po povodu «Istorii moego sovremennika») [V. Korolenko (Concerning the “History of my Contemporary”)]. *Krasnaya nov': literaturno-khudzhestvennyy i nauchno-publitsisticheskyy zhurnal* [Red nov': literary-artistic and scientific-journalistic journal], 2: 183—203. (In Russ.).
- Mokhov, A. S., Shamanaev, A. V., Kapsalykova, K. R. (2020). «Pribyli v polnoy sokhrannosti»: evakuatsiya kollektsey Khersoneskogo muzeya v Sverdlovsk [They Arrived Completely Intact: The Evacuation of Chersonese Museum Collections to Sverdlovsk]. *Quaestio Rossica*, 8 (2): 639—651. DOI: 10.15826/qr.2020.2.485. (In Russ.).
- Olkhovskaya, L. V., Olkhovskiy, V. V. (2017). Naslednitsy V. G. Korolenko [V. G. Korolenko's heirs]. In: *Desyatyye Korolenkovskie chteniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 19 okt. 2016 g.* [Tenth Korolenkov readings: materials of the Mezhdunar. scientific-practical conf.]. Glazov: Glazov. gos. ped. in-t. 31—38. (In Russ.).
- Pamyati V. G. Korolenko [In memory of V. G. Korolenko]. (1928). *Izvestiya* [News], 20 iyulya, 167 (3401). (In Russ.).
- Razgon, A. M. (1999). Evakuatsiya muzeev i muzeynykh kollektsey v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Evacuation of museums and museum collections during the Great Patriotic War]. In: *Slovo o soratnike i druge (K 80-letiyu A. M. Razgona): nauchnye chteniya* [A word about a colleague and friend (To the 80th anniversary of A. M. Razgon): scientific readings]. Moskva: Gos. Istoricheskiy muzey. 122—133. (In Russ.).
- Pospelov, P. N. (ed.) (1974). *Sovetskyy tyl v Velikoy Otechestvennoy voyne: Obshchie problemy* [Soviet rear in the Great Patriotic War. Common problems]. Moskva: Mysl. 2/1: 300 p. (In Russ.).
- Tarle, E. V. (1943). Poltava. In: *Krasnaya Zvezda* [Red Star], 24 sentyabrya, 226 (5597). (In Russ.).
- Vakhromeeva, O. B. (2018). Vklad byvshikh bestuzhevok v sozдание memorialnykh muzeev otechestvennykh pisateley v XX veke (k 140-letiyu zhenskogo universiteta) [Contribution of former bestuzhev women to the creation of memorial museums of Russian writers in the 20th century (to the 140th anniversary of the women's university)]. *Voprosy muzeologii* [Museological issues], 9 (1): 4—14. (In Russ.).
- Zander, U. Karl XII har dyrkats av skolpojkar och nazister. *Svenska dagbladet: newspaper*. 18.07.2017: 15. (In Swed.).